

Оглавление

ЧАСТЬ I

1. Вскроются старые раны	3
2. Дама из кладовки, или Убийственное воображение . . .	33
3. Черт в склянке	71
4. Человек, который убил президента	103
5. Прикладная онейронавтика.	142
6. Магазин закрывается	176

ЧАСТЬ II

Эпизод 1. Почта духов.	208
Эпизод 2. Сердце Матильды.	245
Эпизод 3. Наш портал в тумане светит	281
Эпизод 4. Товарищ второжительница	323
Эпизод 5. Женечка	358
Эпизод 6. Ангел мой, иди со мной.	393
Эпилог	440

Часть I

1. ВСКРОЮТСЯ СТАРЫЕ РАНЫ

Дверь была похожа на плитку шоколада: коричневая, разделенная глубокими желобками на прямоугольники и ромбы, обгрызенная по краям голодным временем. Слева от нее на стене висел ящик для писем, тоже совершенно допотопный, проржавевший, с круглыми дырочками по низу дверцы. Сквозь дырочки что-то интригующе белело. Славик подавил внезапное желание сунуть туда палец — чтобы он сперва непременно застрял там, а потом выскочил, покрасневший и окольцованный узкой вдавленной бороздкой. Вместо этого он сфотографировал ящик, потом дверь — с нескольких ракурсов, чтобы старинный геометрический узор на обеих створках было хорошо видно, — и наконец крупным планом заснял лист бумаги, приклеенный к двери. В любой другой ситуации он немедленно запостил бы последнее фото во все соцсети с каким-нибудь ехидным комментарием. Судя по отсутствию других опознавательных знаков, криво посаженный на скотч лист формата А4 и был непосредственно вывеской. На всякий случай Славик посмотрел вверх и

обнаружил над дверью перевернутую «рожками» к небу подкову — кажется, настоящую. А бабушка говорила, что вешать этот оберег надо наоборот, если рога будут торчать — черта приманишь... Сам-то Славик не верил ни в подковы, ни в чертей. Он перевел взгляд на лист бумаги, на котором черным маркером было написано:

МАГАЗИН РАБОТАЕТ ДО НАСТУПЛЕНИЯ ТЬМЫ

Надпись хранила следы борьбы: вторую «А» в слове «МАГАЗИН» сначала пропустили, а потом вписали по возможности незаметно, потеснив и без того убогистую «З».

Да, это определенно была вывеска. Славик поморщился — он терпеть не мог такие рекламные заигрывания: смотрите, мол, какие мы современные и искренние, даже пытаемся шутить, совсем как настоящие люди. Любой бизнес, даже самый крохотный, должен сразу демонстрировать честный капиталистический оскал, а не прикидываться игривым. Левый нижний уголок листа был оторван, как будто кто-то в сердцах пытался его содрать. Тут Славик все-таки не удержался и поскреб бумагу ногтем — и впрямь крепко приклеено...

— Открыто! — сообщили из-за двери. Таким тоном обычно кричат «кыш» бродячим животным.

Славик застыл на месте. Вообще-то он хотел еще постоять тут, все взвесить, придумать какую-нибудь удачную фразу для приветствия. И разве можно услышать изнутри тихий шорох? Дверь же толстенная. Это они там, наверное, между собой...

— Кому сказано — открыто! — рывкнули из-за двери еще громче и недружелюбнее.— За ручку тяните! Если ручки нет — подденьте снизу!

Славик с тоской посмотрел на круглую клумбу перед магазином. Из-под тяжелой влажной земли уже деловито лезли какие-то листики. Отступить было поздно, а главное — глупо. Славик напустил на себя непринужденный вид, взялся за холодную латунную ручку и потянул на себя.

Дверь не поддалась.

— Не ту створку! — подсказали изнутри.

Славик вдруг с восхитительной ясностью понял, что совершенно не хочет туда, а хочет домой — к Лесе, к пухлым сырникам, приготовленным ею на завтрак. В неудачном зазоре между резцом и клыком, справа, так и осталась мягкая творожная крупинка...

Он взялся за нужную створку, и дверь послушно распахнулась.

Внутри царил полумрак, горели под потолком тусклые желтые лампы, пахло пылью, отсыревшим деревом и лежалой бумагой. Так пахнет в уцелевших районных библиотеках и в квартирах безумных бабушек-собирачительниц. Славик ушиб локоть, уронил что-то, судя по звуку, чугунное и наконец налетел на прилавок. За прилавком он, проморгавшись, обнаружил хрупкое создание с короткими встрепанными волосами и лебединой шеей. Его внешность совершенно не сочеталась со свирепым голосом из-за двери. Создание меланхолично перекладывало из стопки в стопку какие-то книги.

— Здравствуйте, я извиняюсь... — начал Славик и тут же вспомнил, как за слово «извиняюсь» в комментариях им недавно сыграли в испепеляющий футбол сразу три тетки с характерными застенчивыми лицами провинциальных учительниц на аватарках.

— Заходите, смотрите! — раздался откуда-то из соседнего помещения уже знакомый голос.— Не толпитесь!

Создание плавным жестом длиннокостной руки указало Славику нужное направление. В огромных глазах светилась слегка удивленная пустота, как у лемура.

Славик совсем не так представлял себе антикварные магазины. В сумрачном и тесном торговом зале не оказалось ни китайских ваз, ни бронзовых канделябров, ни искрящегося в свете старинной люстры хрусталя, ни ушлого оценщика, придирчиво изучающего через ювелирную лупу явно краденное колечко. Дневной свет сюда не проникал — после секундного замешательства Славик понял, что в магазине нет окон. Круглые лампы под потолком работали через одну, мигали и зловеще потрескивали. Вдоль стен стояли шкафы с книгами, а большую часть помещения занимали импровизированные витрины: ящики, сундуки, столики — заваленные всевозможным бараклом. Оно сливалось в единую массу какого-то неопределенного, но умиротворяющего, с детства знакомого оттенка, из которой вдруг выступали, словно выхваченные лучом, черный зонт — папин, непременно папин;

засушенный иглобрюх — от соли чешется макушка, ласты тяжело колеблются в толще воды; подстаканники, пепельницы — крепкий чай и сигарета натошак, а по дороге в институт можно перехватить хот-дог; древний пленочный фотоаппарат; резной стеклянный салатник — Новый год, оливье с яблоками по тетиньему рецепту, горошек застенчиво выглядывает из майонезной гущи,— а рядом с салатником синяя с золотом чашка на блюдечке... Точно такая же чашка была у бабушки — и ручка треснула в том же месте. Где-то даже не в голове, а под ребрами у Славика затеплилось воспоминание: бабушка, кажущаяся еще такой огромной и уютной, сидит перед телевизором и пьет чай из своей персональной синей чашки. Она называла ее кобальтовой, и это слово с тех пор ни разу и не пригодилось, осталось непонятным и сказочным...

— Себе или на подарок?

Все исчезло, окружающий хлам снова стал единой, тускло освещенной массой. Перед Славиком возникла небольшая рыжая девица с густо подведенными глазами. Она без улыбки уставилась на него и подбодрила:

— Ну?

Обладательница свирепого голоса наконец-то нашла.

— Здравствуйте! — Славик протянул девице руку, но никакой ответной реакции не последовало, если не считать взлетевшей кверху левой брови.— Я, собственно, не за покупками. Мне бы работу какую-нибудь, хоть подработку, хоть временную... На любую согласен, кризис, сами знаете...

— Кризис,— повторила девица, и в ее глазах вспыхнул неподдельный интерес.

Она поманила Славика за собой в темные недра магазина, а когда он доверчиво последовал за ней — зажала в углу среди каких-то коробок и деловито, в полном молчании ощупала: бока, руки, плечи. Это было похоже на досмотр в аэропорту, поэтому сначала Славик по привычке подчинился и только потом, с некоторым опозданием, начал возмущаться.

— Мы сейчас всех проверяем,— ответила девица, отпуская его, но продолжая внимательно разглядывать.— Кризис, сами знаете. Подстаканники стали пропадать.

Славик неуверенно засмеялся, и его сдавленный смех повис в воздухе, как до этого протянутая рука. Домой — к Лесе и сырникам — захотелось с удвоенной силой.

— Что смешного? Под одеждой выносят.— Девица приподняла пальцем его подбородок и тут же отпустила.— Спортом занимаешься? Принимаешь что-то? Пил давно?

— Н-нет,— обобщенно ответил Славик.

— С тяжестями как? Грыжи нет? Искривление позвоночника? Астма?

Славик мотал головой, уставившись на бледное пятно ее лица с двумя провалами подведенных глаз. Какая дичь, отрешенно думал он, куда я полез, зачем это все, когда на свете существуют сырники с ванилью...

Щелкнул выключатель, и одинокая голая лампочка осветила уходящие под потолок башни из коробок.

— Тут у нас склад,— скороговоркой объяснила девица.— Работа есть. Перебрать все, что в коробках, уложить поплотнее. Посуду к посуде, книги к книгам.

Плесень, битое — выбросить. Что перебрал — в тот угол, пустые — в этот. Сможешь?

Славик посмотрел на картонные башни. Ближайшую праздничной лианой оплетала серебристая мишура.

— Смогу, наверное...

— Выходить нельзя, пока не позовут. Приступай.— И девица отвернулась, явно собираясь уходить.

Это определенно было не только самое странное, но и самое короткое собеседование в жизни Славика.

— Подождите, а... а зарплата какая? А график? Как вас зовут-то хоть?!

— Матильда. Не ори, сиди тут тихо. Хозяин спит.— И она скользнула обратно в торговый зал, прикрыв за собой дверь.

Растерянно застывший посреди склада Славик все же ощутил некое странное удовлетворение. Если бы девица оказалась Машей или Аней, он, пожалуй, был бы разочарован.

Праздничная лиана с шорохом соскользнула с коробок прямо ему на голову. Славик чуть не завопил от неожиданности, поспешно отбросил грязную мишуру, словно змею, и достал телефон. Вокруг было столько всего, что сам божешенька велел заснять.

Славик моментально перепачкался в пыли — той особенной, мягчайшей домашней пыли, которая формирует косматые клочья, луизианским мхом оплетая недоступные для уборки места. В коробках был все тот же разнообразный хлам, который старики обычно

складируют на балконе или на даче, бодрая молодежь выкидывает без сожаления, а безумные собиратели, наоборот, тащат в дом с помоек или с таких вот барахолок. Славик пытался как-то рассортировать хлам, но тут было слишком много его подвидов: посуда, шка-тулки, пузырьки, газеты, статуэтки, куклы, значки, этикетки, ручки с карандашами, сумочки и кошельки, отрезки ткани, театральные бинокли, флажки и вымпелы, колокольчики, украшения — и очень много книг. Одна коробка оказалась целиком забита книгами. Сверху — плотно, как черепица, уложенные любовные романы в мягкой обложке: плечистый, как горилла, он и запрокинувшая в экстазе голову она. Следующий слой — они же, но вперемешку с брошюрами по самолечению. Потом любовные романы кончились, а среди книжек о целительных свойствах трав, прополиса и чайного гриба стала попадаться церковная душеспасительная литература. И наконец остались одни молитвословы и наставления старцев, а последней с самого дна коробки Славик достал тоненькую брошюру «Как вести себя на кладбище». Ему вдруг стало грустно, как будто он случайно просмотрел в ускоренной перемотке чью-то долгую унылую жизнь. Но обложку брошюры он все равно сфотографировал.

В разгар возни со следующей коробкой, где обнаружили фрагменты детской железной дороги — архаичной киношной роскоши, о которой трудно даже мечтать всерьез, — Славик услышал странный звук: что-то среднее между шипением и тихим свистом. Он

огляделся и увидел, что дверь склада приоткрыта, а в образовавшуюся щель заглядывает хрупкое создание, которое он видел за кассой. Это оно свистело, старательно сложив губы трубочкой и, очевидно, пытаясь привлечь внимание. Славик подошел поближе, и создание сунуло в щель книгу.

«Кролик, беги»,— прочитал Славик на темной обложке. Роман Апдайка, он его даже читал, там все мечтали вырваться из оков обыденности, и еще, кажется, младенца в ванне утопили... Создание смотрело на него ничего не выражающими глазами и молчало.

— Женечка, где патефон? — послышался из зала голос Матильды, и создание моментально исчезло.

«Значит, Женечка»,— мысленно отметил Славик.

Где-то в недрах магазина раздался телефонный звонок — пронзительный, с тягучим отзвуком в паузах. После звонка наступила короткая тишина, а потом густой хрипловатый голос — такой бывает у высоких темноволосых мужчин меланхолического темперамента — позвал:

— Матильда!

Торопливые шаги прошумели по залу, что-то упало.

— Звонили от господина Полоротова,— отчетливо сказал невидимка, хлопнула дверь, и все стихло.

Славик успел подбежать к двери, приоткрыть ее и пристроить к щели телефон, чтобы заснять происходящее в зале, но с этой точки было видно только сундук и книжный шкаф, в котором неторопливо наводило порядок хрупкое создание Женечка. Как оказалось,

ростом создание обладало гренадерским, да и плечи у Женечки были довольно широкие, несмотря на воздушную в целом комплекцию. Тут Славик впервые озадачился вопросом, какого, собственно, Женечка пола, хотя до этого был твердо уверен, что перед ним девица.

Создание обернулось и уставилось прямо в камеру, то есть прямо на Славика, который смотрел на экран. В тонких пальцах оно держало потрепанный томик с крупной надписью «Идиот».

Черная тень налетела и закрыла обзор, распахнувшаяся дверь ударила Славика по рукам, телефон отбросило куда-то за коробки, и на склад ворвалась Матильда. На руке у нее болтался маленький дамский саквояж.

— Идем,— привалившись к двери спиной, шепнула она.

— Куда?

— Ехать надо. На адрес.

— Тоже коробки таскать? — решил изобразить незамутненность Славик.

— Ну! — Матильда высунулась в зал, быстро огляделась и схватила Славика за рукав.— Идем!

— Сейчас, только телефон найду, выронил...

— Иде-ем! Мы быстро! — И Матильда буквально выволокла его наружу.

Она, похоже, понятия не имела о личных границах.

Воздух на улице после затхлого духа барахолки казался восхитительно чистым, но все равно немного отдавал сладковатым тленом давно прошедшего — как

будто пыль веков и частички эпителия давно умерших владельцев всего магазинного хлама осели где-то на волосках в носу. Щурясь и чихая от весеннего солнца, Матильда и Славик пересекли двор, свернули за угол и только там, протерев глаза, разглядели друг друга при свете дня.

— Я думала, ты моложе,— разочарованно протянула Матильда.

Славик мог бы сказать про нее то же самое, но воспитание не позволяло. Будучи мальчиком, возвращенным в однополую семью — мамой и бабушкой,— он с детства был приучен не говорить с женщинами о возрасте — их, своем, неважно. В дружеских компаниях Славик слыл весьма тактичным молодым человеком. Ему было под тридцать, но лицо он сохранил мальчишеское — если не всматриваться,— и на кассе у него регулярно требовали паспорт. Бывают такие люди, которые словно рождены для какого-то определенного возраста, когда их внешность и число прожитых лет находятся в полной гармонии. А до и после этого пикового момента они похожи на незрелых старцев или пораженных прогерией детей, и мало кто способен увидеть, к примеру, в стеснительной грузной девочке проект роскошной сорокалетней дамы.

Вот и Славик, полагавший себя уже изрядно потрепанным жизнью, как будто был рожден для тинейджерства и застрял в нем навечно — и ничего не мог с этим поделать. Даже от уменьшительно-ласкательного суффикса никак не получалось избавиться — все называли его Славиком, и он сам по привычке так представлялся при первом знакомстве, а потом злился на себя.

Так что Славик даже обрадовался словам Матильды и подумал, что у него наконец-то стали проступать солидные, взрослые черты. А вот у самой Матильды таких черт оказалось куда больше, чем он ожидал. В сумерках магазина она казалась ровесницей Леси, девчонкой, но ей, похоже, было лет тридцать пять. По крайней мере, так определил Славик. На данном жизненном этапе именно это число казалось ему последним рубежом на пути к неумолимой старости. Волосы у Матильды были огненно, прямо-таки возмутительно рыжие, а еще она была замотана в какие-то черные асимметричные тряпки. У Леси в подписках было несколько магазинов, которые торговали подобной одеждой, и по фото было совершенно непонятно, как вот эту конкретную тряпку носить — пальто она или шаровары. Славик смеялся, а Леся говорила, что это концептуально.

И облезлый саквояж Матильда зачем-то прихватила с собой.

— Насмотрелся? — Она привычно вскинула левую бровь. Ближе к носу среди рыжих волосков белела маленькая, но заметная проплешина.— Идем!

Вопреки обещанию Матильды, что все будет быстро, оказалось, что до пресловутого «адреса» надо ехать на метро. До станции оба шли молча, только косились иногда друг на друга, причем каждый был уверен, что делает это незаметно. Славик все острее ощущал отсутствие телефона — пустой нагрудный карман причинял почти физический дискомфорт, ныл, как

соленая ямка на месте вырванного зуба. Уже у турникетов в голове вспыхнула отчаянная, но, в общем-то, разумная мысль: послать к черту эту странную работу и эту странную Матильду заодно, вернуться за телефоном и поехать домой...

Матильда бросила в щель жетон, молча подтолкнула Славика к створкам, и тот машинально прошел через турникет.

— У меня есть карта! — вскипел Славик, но Матильда бодро прошагала мимо, и он догнал ее на эскалаторе.— И зачем вы меня все время хватаете?

Примерно в районе слова «зачем» Матильда достала из кармана коробочку с беспроводными наушниками и двумя точными движениями засунула их в уши. Заметив, что она смотрит на него характерным рассеянным взглядом человека, который ничего не слышит, Славик умолк. Какой я терпеливый, подумал он, надо будет потом отдельно это упомянуть — что я необыкновенно терпеливый человек. Матильда тем временем внимательно и равнодушно разглядывала его лицо — так, будто цвет его радужки или форма носа ее интересовали, а вот сам Славик — не особо.

В вагоне тоскливое отчаяние отрезанного от соцсетей человека обрушилось на Славика с положенной силой. Пытаясь хоть как-то отвлечься, он изучил всю рекламу под потолком: два банка, один социальный призыв остерегаться карманников, квартиры в новостройках где-то за границами обитаемой вселенной и фильм с актером, который сейчас снимается во всех